

Олэнко
Аретея

Олэнко Олэнко

Аретея

<https://litres.ru/74050586>

SelfPub; 2026

Аннотация

Колледж Святого Иуды в тихой Англии всегда славился своей консервативностью и древними стенами, хранящими не одну тайну. Но для группы студентов случайное открытие становится роковой ошибкой. Один неосторожный шаг — и привычный мир рушится, открывая проход в Аретею.

Аретея — это мир, задыхающийся под властью тирана-короля, чья тень легла на эти земли много веков назад. Оказавшись в эпицентре чужой войны, герои понимают: их появление здесь не было случайностью. Они втянуты в кровавую семейную сагу, тянущуюся через поколения, где каждое слово — ложь, а каждое действие — риск.

Здесь нет однозначных героев и явных злодеев. В Аретее у каждого своя правда, и цена этой правды — чья-то жизнь. Сумеют ли они найти путь домой или станут частью бесконечной летописи этого гибнущего мира?

Содержание

Геометрия кошмара	4
Урок Истории	6
Черная дыра	13
Загнанная в угол	16
Чат "Фуксия"	20
Тень за порогом	27
Чужая кровь	31

Олэнко Аретея

Геометрия кошмара

Колледж Святого Иуды — место, где гаргульи на фасаде выглядят более счастливыми, чем студенты, осознающие стоимость своего обучения. Это был оплот традиций, старой пыли и людей, которые искренне верили, что их семейное дерево дает им право на приоритетную парковку у врат рая.

Эмину Халилу сны не снились — они подавались ему по предварительной записи. Но последние три недели его безупречный внутренний график полетел к чертям из-за одного и того же видения.

Сначала приходил холод. Не тот привычный английский сквозняк, что гулял по залам Колледжа Святого Иуды, а абсолютный, космический вакуум. Затем реальность начинала расслаиваться. Знакомые очертания библиотеки, корешки книг, массивные дубовые столы — всё это превращалось в пепел. Но пепел не оседал. Он взмывал вверх, складываясь в гигантскую, пульсирующую воронку в небе.

Из этой воронки выходила Тьма. Она не была пустотой. Она была живой, маслянистой массой, которая пожирала звуки и свет. И каждый раз, когда первая теневая нить каса-

лась кожи Эмина, он видел лицо. Бледное, с глазами, полными древнего, холодного знания.

Эмин резко сел в постели. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица. В комнате общежития было тихо, лишь капли дождя мерно стучали по стеклу.

Эмин выглядел настолько идеально, что даже его утренний беспорядок на голове казался тщательно спланированной акцией модных стилистов. В Колледже шептались, что Эмин Халил — это результат секретного эксперимента по созданию "сверхчеловека для обложек". О нем не знали ничего, кроме того, что он неприлично красив и всегда молчит. Но его тишина не имела ничего общего с робостью. Это было молчание хищника, который жестко очертил свои границы: Халил никогда не опускался до пустой болтовни и никому — даже преподавателям — не позволял сказать в свой адрес лишнего.

— Статистическая погрешность уставшего мозга, — констатировал он, поправляя воротник пижамы так, будто его сейчас будут снимать для самого модного журнала.

Он не собирался никому об этом говорить. В мире Эмина Халила то, что нельзя измерить или доказать, не заслуживало внимания.

Урок Истории

На следующее утро в общих залах Колледжа былолюдно, но Эмин чувствовал себя так, будто между ним и остальными воздвигли стену из мутного стекла. Он сидел за дальним столом, механически перелистывая страницы учебника, когда почувствовал *это*.

Мягкое, осторожное тепло. Оно не просило разрешения войти, оно просто было рядом, пытаясь унять дрожь в его руках, которую он сам едва замечал.

Луми Зелинска стояла в паре шагов. Она не смотрела на его книгу. Она смотрела прямо ему в глаза, и в её взгляде не было любопытства — только тихая, болезненная тревога. Она не видела его сна, но она чувствовала его «вкус» — горький, как озон, и холодный, как могильный камень.

— Эмин, — тихо произнесла она. Её голос едва перекрывал шум вокруг. — Снова?

Эмин сжал пальцы на полях страницы. — О чем ты, Луми? Я просто плохо спал. Кофе в этом заведении становится всё хуже.

Луми не отступила. Она сделала шаг ближе, и «шум» в голове Эмина на мгновение затих. — Твоя тень сегодня... она длиннее обычного. И она пахнет снегом, которого здесь никогда не было. Что ты видел, Эмин?

Тяжелый медный звон прокатился по сводчатым коридо-

рам, отражаясь от каменных горгулий под потолком. Эмин вздрогнул, его взгляд на мгновение прояснился, и он поспешно отстранился от Луми, будто её сочувствие могло его обжечь.

— Пора на историю, — бросил он, не глядя на неё, и быстро зашагал в сторону аудитории.

Класс профессора Варда пах сухой бумагой и старым деревом. Ханна Ким, сидевшая на второй парте, уже всю развлекла окружающих, заставляя даже самых хмурых студентов улыбаться. Увидев входящую Луми, она весело замахала рукой, но тут же замерла.

Дверь скрипнула, и в класс вошел профессор Вард, а следом за ним — девушка.

Она казалась воплощением ночи, запертой в стенах Колледжа. Фарфорово-бледная кожа и волосы цвета обсидиана, тяжелым шелком рассыпавшиеся по плечам, создавали резкий, почти пугающий контраст. Но когда она подняла голову, аудитория будто замерла. Её глаза были не просто голубыми. Они были цвета арктического льда, пронзительными и неестественно яркими на фоне черных волос. Этот взгляд, казалось, прошивал пространство насквозь, видя не стены класса, а что-то бесконечно далекое.

— Прошу внимания, — сухо произнес Вард. — Это Мира Саар. Она перевелась к нам с самого Севера. Прошу принять и... по возможности, не донимать расспросами в первый же день.

Класс затих. Луми почувствовала, как по комнате прошел странный импульс — холодный и одновременно приторно-сладкий. Но Ханна, сидевшая рядом с пустым местом, вдруг широко улыбнулась и заговорщицки подмигнула новенькой.

В этом взгляде Ханны не было дежурного дружелюбия — в нём светилось сообщничество людей, разделивших одно детство на двоих. Ханна и сама приехала с Севера пару лет назад вместе со своими бабушкой и дедушкой, которые заменили ей родителей. Две маленькие девочки росли в одинаковых деревянных домах: Ханну воспитывали её старики, а Миру Саар — её. Это был их закрытый, согретый каминным теплом мир среди вечной мерзлоты. Всё рухнуло, когда бабушка и дедушка Миры ушли один за другим. Осиротевший дом Саар опустел, а семья Ханны, собрав вещи для переезда на Юг, до хрипоты умоляла Миру поехать с ними. Но та упрямо выбрала остаться. Выбрала холод, тишину и звенящее одиночество родных стен, отрезав себя от выживших близких. И то, что теперь, спустя годы добровольного изгнания, северянка всё же сдалась и приехала вслед за единственной подругой, говорило о многом.

— Эй, Снежная Королева! — негромко, но так, что услышали все, пошутила Ханна. — Садись со мной, я уже приготовила для тебя карту выходов из этого замка. Здесь легко заблудиться, если не знать, где прячутся призраки.

Мира Саар едва заметно улыбнулась — уголок её губ

дрогнул, и на секунду холод в аудитории отступил. Она грациозно опустилась на стул рядом с Ханной.

Луми, сидевшая через ряд, не могла оторвать взгляда от новенькой. В её груди снова заняло то самое чувство «неправильности».

Тишина не продлилась долго. Дверь в аудиторию не просто открылась — она с грохотом ударилась о стену. На пороге стояла Мира Стоун. Звезда Колледжа, воплощение агрессивной энергии и стервозного стиля. Её присутствие всегда ощущалось как избыточное давление в ушах. Она обвела класс хищным взглядом и мгновенно зафиксировалась на новенькой. Две Миры. Лед и Пламя.

— Оу, у нас пополнение в рядах «страннышек»? — Мира Стоун небрежно бросила сумку на стол перед новенькой. — Надеюсь, северный ветер быстро выветрится из этой комнаты. А то от твоих... глаз... становится слишком холодно.

— Прошу всех занять свои места, — ледяной тон магистра Варда мгновенно разрезал сгустившееся напряжение. Его указка сухо стукнула по трибуне, заставив сумку Миры Стоун послушно перелететь обратно к хозяйке в руки. — Стоун, сядьте. Время не ждет, в отличие от ваших амбиций.

Мира Стоун закатила глаза, но спорить не решилась — авторитет Варда в Колледже был непререкаем. Она с шумом отодвинула стул, продолжая буравить новенькую яростным взглядом.

— Итак, — Вард повернулся к доске, и по её грифель-

ной поверхности сами собой поползли светящиеся рунические символы, складываясь в причудливые, пересекающиеся кольца. — Сегодня у нас сложная и, пожалуй, самая спекулятивная тема из курса хронологии магии. «Временные парадоксы и замкнутые контуры». В простонародье — временные петли.

По классу прошел оживленный шепоток. Ханна тут же принялась что-то увлеченно строчить на полях, а Луми подалась вперед. Внутри неё, прямо под сердцем, болезненно отозвался тот самый ментальный пульс, который всегда обострялся, когда речь заходила о тайнах мироздания.

— Магистр Вард, — Луми подняла руку, не дожидаясь, пока учитель закончит экспозицию. Её голос прозвучал чище и громче, чем обычно. — А если говорить не о теории магии, а о реальности? Обычные люди... ну, лишённые искры. Существуют ли задокументированные случаи, когда человеческий мир, без вмешательства высших артефактов, проваливался в петлю времени? Или это только наши гипотезы?

Не успел Вард открыть рот, как с первого ряда донесся ядовитый, притворно-жалостливый вздох.

— О боги, Луми, ты опять за свое? — Мира Стоун обернулась, оперевшись локтями о спинку стула и одарив девушку снисходительной улыбкой. — Может, хватит забивать профессору голову сказками для бедных? Обычные люди не могут удержать чашку чая без того, чтобы не разлить половину, а ты приписываешь им управление пространством-вре-

менем. Тебе бы поменьше витать в облаках и побольше смотреть под ноги. А то твоя «чувствительность» скоро начнет пахивать диагнозом.

Пара человек на задних партах негромко хмыкнули. Луми почувствовала, как к щекам приливает жар, а пальцы судорожно сжимают перо. Она открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Внезапно в аудитории стало очень тихо. И очень душно.

— Закрой рот, Стоун.

Голос Эмина Халила прозвучал негромко, но в нем было столько тяжелой, граничащей с угрозой уверенности, что смешки моментально прекратились. Он сидел, чуть откинувшись на спинку стула, безупречный и холодный, как точеная статуя. Его темные глаза смотрели прямо на Миру Стоун, и в этом взгляде не было ни капли тепла.

Эмин никогда не говорил много. Он не опускался до долгих споров или оправданий. Но сейчас он очертил черту, за которую заходить было смертельно опасно.

— Ты утомляешь, — добавил Эмин, едва заметно поведя плечом. — Вопрос Луми имеет под собой исторические прецеденты. Твое невежество — нет. Фильтруй то, что говоришь.

Мира Стоун подавилась воздухом. Её идеальный макияж на секунду исказился от ярости и оскорбления, но под ледяным, давящим взглядом Халила она внезапно сдулась. Никто в Колледже не решался перечить Эмину — и не пото-

му, что он был «сверхчеловеком для обложек», а потому, что за его молчанием всегда скрывалась готовность уничтожить любого, кто нарушит его покой. Или покой тех, кого он решил защитить.

Она резко отвернулась к доске, что-то злобно пробормотав себе под нос.

Луми благодарно посмотрела на Эмина, но тот уже отвел взгляд, снова превратившись в неприступную и безучастную ко всему фигуру. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Магистр Вард удовлетворенно кашлянул, возвращая себе контроль над классом, хотя в его глазах промелькнула искра одобрения.

— Благодарю, адепт Халил, за краткость и точность, — сухо произнес профессор. — А теперь вернемся к вопросу адепки Луми. Ответ — да. В человеческом мире временные аномалии случаются. Обычные люди называют это «эффектом Манделы», «дежавю» или массовым сумасшествием, но хрономаги знают правду: человеческий разум, не защищенный искрой, просто затирает воспоминания о петле, когда она перезапускается. И сегодня мы разберем самый крупный прорыв контура, случившийся в Париже в 1926 году...

Черная дыра

В архивных сводках это дело назвали "Пригородной аварией на 42-м километре". Обычная, сухая строчка. Но очевидцы — водители дальних рейсов — потом годами ходили к психиатрам. Они ломающимися голосами твердили, что старенький седан Стоунов не просто занесло. Прямо посреди асфальта, подминая под себя ночную изморозь, на долю секунды соткалась абсолютная, плотная пустота. Черная дыра, которая не отражала свет фар. Она словно засасывала в себя саму реальность.

Машину швырнуло туда, как игрушку. Металл скрежетал так, будто его жевало живое существо. Пятилетнюю Миру выбросило через разбитое стекло на ледяную обочину. Когда подросли дальнобойщики, девочка не плакала. Она сидела на грязном снегу, обняв колени, и смотрела на пустую дорогу, где от машины её родителей не осталось даже обломков. Тьма ушла, забрав их. А её — оставила.

В приюте Мира Стоун быстро поняла: если ты не умеешь кусаться, тебя сожрут. Это было страшное, холодное место, пахнущее хлоркой и разваренной кашей. Дети там были жестокими — травля слабых помогала им забыть о собственной ненужности.

Но Мира выросла другой. В ней не было злости. Всякий раз, когда запирали провинившихся малышей в темной под-

собке, Мира пробиралась туда ночью. Она садилась у замочной скважины и всю ночь напролет шепотом рассказывала плачущему ребенку сказки про далекие, теплые страны, пока у самой от холода на бетонном полу не сводило пальцы.

Когда ей исполнилось двенадцать, местный задира отобрал у маленькой хромой девочки её единственную игрушку — потрепанного плюшевого зайца. Мира, которая была на голову ниже парня, молча встала между ними. Её избили, сломали нос, но зайца она не отдала. Она держала его, прижав к окровавленному лицу, и улыбалась сквозь слезы.

Она стала негласным щитом приюта. Малыши знали: если тебе страшно, если тебя обидели — ищи Миру. Она обнимет. От неё всегда пахло чем-то домашним, хотя дома у нее никогда не было. Она тратила все свои крошечные карманные деньги не на сладости, а на дешевые пластыри и цветные карандаши для приютских подкидышей.

В восемнадцать лет, получив от государства стипендию и койку в обшарпанной общаге Колледжа, Мира впервые осталась одна. Две подработки — допоздна в цветочной лавке, рано утром — разносчиком газет. Её собственные кеды расклеивались от сырости, а пальто было таким тонким, что осенний ветер прошивал его насквозь.

Но её комната под номером 312 стала легендой общежития.

Туда шли все. Девчонки, которых бросили парни; первокурсники, сходящие с ума от тоски по дому; комендантша, у

которой болели суставы. Мира никогда никому не отказывала. Она заваривала чай из лаванды и ромашки (сама собирала летом за городом, чтобы сэкономить), пекла из копеечной муки кривые, но удивительно вкусные блинчики.

Самое страшное было в том, что когда все уходило, забрав её тепло, Мира оставалась в пустой комнате один на один со своей тишиной. Она зажигала маленькую свечку, смотрела на огонек и тихонько плакала, уткнувшись в колени. Ей безумно, до крика хотелось, чтобы хоть раз в жизни кто-то пришел и укутал её саму. Чтобы кто-то спросил: "Мира, а тебе не холодно? Мира, а ты сегодня ела?"

Но этого никто не делал. Все привыкли, что Мира Стоун — сильная. Мира справится. Мира — это спасательный круг.

Загнанная в угол

Гул голосов в коридоре после урока напоминал рой рассерженных ос. Студенты толкались у досок объявлений, обсуждая очередную выходку Миры Стоун.

— Она совсем слетела с катушек, — донеслось из толпы. — Зажала первокурсницу у лестницы. В этот раз всё было как-то... чересчур жестоко. Даже для неё.

Сердце Луми пропустило удар. Она чувствовала это — не просто ярость Миры, а чей-то чужой, холодный привкус боли, который растекался по коридору. Не раздумывая, Луми бросилась вперед, расталкивая локтями однокурсников. Эмин, Ханна и Мира Саар, обменявшись короткими взглядами, рванули следом.

Но когда они добежали до места, толпа уже начала редеть. Луми замерла, тяжело дыша. Миры Стоун здесь не было. Зато она увидела её тень — та скользнула за угол, в сторону старого крыла, где находился заброшенный кабинет, который все называли просто «каморкой».

Луми выбежала за угол и резко остановилась.

Мира Стоун, вечная «королева» школы, сейчас выглядела как загнанный зверь. Она прислонилась к запертой двери коморки, судорожно прижимая ладонь к груди. Её лицо было серым, губы дрожали, а взгляд блуждал, словно она видела что-то, чего не видели другие. Она хватала ртом воздух,

будто он превратился в лед.

— Мира! — Луми сделала шаг вперед, протягивая руку.

— Тебе плохо, я помогу...

— Оставь её, Луми, — холодный голос Миры Саар заставил всех вздрогнуть. Новенькая стояла чуть позади, её голубые глаза сияли в полумраке коридора почти неестественно. — Она получила то, что заслужила. Злость всегда возвращается к тому, кто её породил.

Мира Стоун вскинула голову. В её глазах на мгновение вспыхнуло прежнее пламя, но оно было черным. — Пошли... вон... — рявкнула она, и её голос сорвался на хрип. — Не смей... жалеть меня... ты, мелкая...

— Хватит! — голос Эмина прорезал шум коридора как скальпель. — Вы сейчас привлечете внимание всего Колледжа. Хотите, чтобы вас отчислили в первый же день нового семестра? Живо в каморку. Все.

Он кивнул на старую дверь. Ханна, мгновенно сообразив, рванула ручку на себя и буквально затащила ребят внутрь. Луми почти тащила на себе Миру Стоун — та едва переставляла ноги, её пальцы судорожно впились в плечо Луми.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. В крошечном помещении, заставленном швабрами и старыми партами, стало нечем дышать. Единственными источниками света были тонкая полоска под дверью и маленькое круглое глухое окно.

— Ты... — Мира Саар стояла прямо напротив Стоун. Её ледяные глаза в темноте казались двумя фосфоресцирующи-

ми точками. — Ты думала, что твоя злость — это сила? Нет. Это слабость. Признай это. Скажи, что ты раскаиваешься. Прямо сейчас.

Это звучало не как просьба, а как Приказ. Голос Миры Саар вибрировал от скрытой мощи, которую она сама еще не осознавала.

Мира Стоун сползла по стене, Луми опустилась рядом с ней, не выпуская её руки. Стоун хрипела, по её лицу катились слезы, смешиваясь с тушью. — Я... я просто хотела... чтобы всё это... — она захлебнулась рыданием. — Я хочу, чтобы это просто закончилось! Я хочу... чтобы стало тихо, спокойно внутри меня и для всех остальных!

В этот момент Луми закрыла глаза. Она почувствовала этот импульс — он исходил от всех.

В центре комнаты воздух внезапно перестал быть прозрачным. Он начал сгущаться, превращаясь в черную ртуть. Сначала это была точка, но через секунду она расширилась, беззвучно пожирая пространство.

— Что это... — прошептала Ханна, пятась к двери.

Но портал уже не просто висел в воздухе. Он дышал. И из него потянуло тем самым запахом, который Эмин видел в своих снах. Запахом снега, которого не было.

Тьма в центре комнаты запульсировала, и по стенам поползли тени, похожие на костлявые пальцы. Холод стал невыносимым.

— Всем назад! — голос Эмина прозвучал как команда. —

Бегом из каморки! Живо!

Он буквально вытолкнул парализованную страхом Ханну и дрожащую Миру Стоун в коридор. Луми, пятясь, не сводила глаз с черной воронки, которая, казалось, шептала её имя. Эмин вышел последним. Он схватился за ручку двери, и на секунду его лицо исказилось от боли — металл стал ледяным. С рывком он захлопнул дверь и провернул ключ в замке.

— Уходим. Сейчас же, — бросил он, тяжело дыша.

Они бежали по пустым коридорам, пока легкие не начало обжигать. Остановились только у выхода из старого крыла. Весь вечер и всю ночь они провели в переписках и тайных звонках, пытаясь осознать: что это было? Галлюцинация? Дыра в пространстве? Почему это случилось именно с ними?

Чат "Фуксия"

В два часа ночи ребята создали групповой чат, назвав его "Фуксия" — в честь самого абсурдного локального мема Колледжа, который понимали только они. Это была единственная глупость, способная хоть немного разбавить сковавший всех ужас.

Чат «Фуксия»

Ханна: *Так, все выжили? Переключка. Если кого-то засосало обратно в стену, моргните два раза.*

Мира Саар: *Я в порядке. Но нам нужно систематизировать то, что произошло.*

Эмин: +

Луми: *Я на связи. До сих пор руки трясутся. @Мира Стоун, ты как?*

**Мира Стоун печатает ...*

Мира Стоун: *Я не знаю. Мне хреново.*

**Мира Стоун долго печатает...*

Мира Стоун: *Слушайте мне страшно. И стыдно за то, что произошло у каморки. Я не знаю, что на меня нашло. В последнее время, когда я оказываюсь рядом с этим местом, меня словно переключивает. Накрывает такой бешеной яростью, будто я готова разорвать каждого, кто попадет на глаза. Внутри всё горит. Я просто я уже так хочу тишины, мира и покоя. Чтобы вся эта дрянь внутри меня на-*

конец закончилась.

Ханна: *Ого. Стоун включила режим искренности? Историки, запишите этот день, мы дожили.*

Мира Саар: *Ханна, перестань. С точки зрения психологии, это классическая проекция. Стоун, твоя агрессия — это просто щит. Нельзя бесконечно самоутверждаться за счет других, пытаясь заглушить собственный внутренний хаос. Тебя штормит, и ты выплескиваешь это на окружающих.*

Эмин: *Именно поэтому ты решила вызвать её в центр круга среди каморки и заставить раскаяться перед всеми? Чтобы подлечить её менталочку?*

Ханна: *АХАХАХАХАХА, Саар, 1:0 в пользу Эмина!*

Луми: *##*

Мира Саар: *Эмин, я пыталась стабилизировать ситуацию доступными методами.*

Мира Стоун: *Иди к черту, Халил. Но ладно, ты прав. Это выглядело жалко.*

Луми: *На самом деле, то, что открылся портал — это полбеда. Эмин, это же был портал из твоих снов? Тот самый?*

Эмин: *Да. Один в один.*

Луми: *Вот это по-настоящему жутко. Но если честно, в тот момент я думала не о портале Помните женищину, которую мы с Эмином встретили на днях в переулке? Ну, которую мы прозвали Волкодавом?*

Ханна: *Это та, которая завыла на луну и погналась за вами на в темноте с диким воем? ##*

Луми: *Да! Она выскочила из подворотни с таким диким оскалом, что я думала — это какое-то проклятое древнее существо или порождение темной магии. А сегодня я сопоставила факты Короче, магия тут вообще ни при чем. Тётка просто была под чем-то ужасно вредным. А мы перепугались так, будто за нами сам дьявол бежал.*

Ханна: *Господи, Луми, ты умеешь успокоить! Портал и чужие сны — не страшно, а странная тетка из переулка — вот это действительно страшно ##*

Эмин: *У неё была хорошая скорость.*

Мира Стоун: *Вам смешно, а нам завтра как-то надо идти на занятия и делать вид, что мы не открывали пространственные дыры во времени.*

Мира Саар: *Спите. Завтра на свежую голову решим, что делать с "Фуксией" и порталом. И не подходите к камерке в одиночку.*

Экран телефона наконец погас. Луми откинулась на подушку, глядя в потолок своей комнаты. Магический контур, вспыхнувший этой ночью, связал их намертво — по крайней мере, так ей казалось. В голове роились мысли о странном свечении, которое она то и дело замечала за собой в последнее время, но додумать их ей не дал резкий, требовательный вибросигнал прямо под ухом.

На экране высветилось лаконичное от Эмина:

"Спишь? Вылезай. Там на улице какая-то жуть третью помойку караулит. Нам по пути".

Луми со стоном натянула одеяло на нос. Ей безумно хотелось сказать, что нормальные люди в три часа ночи спят, но Эмин был её лучшим другом. А ещё у них была связь. Дуррацкая, необъяснимая ментально-бытовая чертовщина, из-за которой они постоянно сталкивались в самых идиотских ситуациях, даже когда вообще не планировали видеться.

Она вспомнила, как в прошлом месяце, решив втайне от всех поплакать в одиночестве, по ошибке забрела в самый глухой, заброшенный угол парка, села на поваленное дерево и приземлилась точно на колени Эмину, который сидел там в крошечной тьме и молча ел шаверму. Они не сговаривались. Просто их личные внутренние "радары" решили, что им нужно оказаться в одной точке пространства.

А случай в супермаркете? Луми тогда полезла за последней пачкой любимого печенья на самую верхнюю полку, не удержалась, полетела вниз — и упала прямоком в тележку Эмина, который в этот момент задумчиво выбирал стиральный порошок в другом конце города. Он тогда даже бровью не повел, просто посмотрел на неё сверху вниз и спросил: *"Тебе пакет нужен?"*

Спустя десять минут Луми, кутаясь в безразмерное худи, уже тихонько закрывала за собой входную дверь. Эмин ждал её у подъезда, лениво пиная носком кроссовка мелкие камешки.

— Ну и где твое чудовище? — шепотом спросила Луми, зябко кутая руки в длинные рукава. — За углом, — так же тихо отозвался Эмин, даже не оборачиваясь. — Судя по звукам, оно пытается прожевать пластиковый бак. Пойдем, снимем его оттуда, пока оно не отравилось.

Они двинулись по спящим дворам. Это была их привычная ночная рутина. Пока весь город спал, эти двое умудрялись балансировать между мелкими чудесами и полнейшим бытовым абсурдом.

— Слушай, — Луми пихнула его локтем в бок. — А помнишь, как на прошлой неделе я пошла в парикмахерскую "Вусаала" на другом конце города?

Эмин болезненно зажмурился. — Не напоминай.

— Нет, я напомним! Я сижу в кресле с краской на голове, похожая на безумного пришельца из фольги, открывается дверь подсобки — и оттуда выходишь ты с разводным ключом! Ты что там делал вообще?

— Меня попросили починить бойлер, — буркнул Эмин, пряча улыбку в воротник куртки. — Откуда я знал, что твой внутренний навигатор притащит тебя именно в этот салон? Наша связь — это какое-то проклятие. Я чуть ключ на ногу не уронил, когда тебя в зеркале увидел.

За разговорами они как раз вышли к тем самым помойкам. «Чудовище» действительно было там. Это оказался мелкий, несуразный низший дух — из тех невидимых побочных эффектов магии, которые обычные люди принима-

ли за бродячих кошек. Он выглядел как помесь облысевшего енота и чемодана на ножках, намертво застрял головой в отверстии мусорного бака и теперь обиженно выл на луну, дрыгая задними лапами.

— Эпическая битва со злом, как мы любим, — хмыкнул Эмин.

Луми вздохнула, подошла ближе и, мягко наложив ладонь на подергивающийся бок твари, пустила крошечную, едва заметную искру своего Света — просто чтобы успокоить. Демон затих, разом обмяк, и Эмин точным, отработанным движением вытянул его голову из пластикового плена. Свободное чудовище пару раз моргнуло огромными зелеными глазами, издало звук «мяу», и резво припустило в сторону ближайших кустов.

— Миссия выполнена, котик свободен — отряхнул руки Эмин. — Пошли домой, спасательница.

Обратный путь они шли не торопясь. Ночной воздух стал прохладнее, и Луми то и дело шмыгала носом. Эмин шел чуть впереди, неосознанно закрывая её от редких порывов ветра.

Они могли молчать часами, и это не было натянутым молчанием. С Эмином было просто. Безопасно. Он был её личным, надежным якорем в этом странном мире, где у нее из пальцев иногда летели искры, а у него в карманах всегда водилась какая-то защитная чепуха.

Когда они наконец подошли к её подъезду, Эмин остано-

вился и привычно закинул руки в карманы.

— Всё, давай, шагай, — он кивнул на дверь. — Запрись на все замки. И пожалуйста, если завтра решишь пойти за хлебом, не окажись случайно на крыше городской ратуши. У меня нет крыльев, чтобы тебя оттуда снимать.

— Ничего не обещаю, — фыркнула Луми, уже открывая дверь домофоном. — Мои "радары" очень непредсказуемы.

Эмин коротко улыбнулся, дождался, пока щелкнет замок, и только убедившись, что Луми зашла внутрь, развернулся и побрел к своему дому. Провожать её до двери и проверять, всё ли в порядке, уже давно стало его главным неписанным правилом. Без лишних слов.

Тень за порогом

Утро встретило Колледж шепотом. Луми сидела за партой, чувствуя себя так, будто её вывернули наизнанку. Но когда открылась дверь аудитории, даже её тревога на миг отступила. В сопровождении директора в класс вошел новый студент.

Он выглядел старше остальных. Это был не мальчик, а мужчина, чья физическая мощь ощущалась даже на расстоянии. Широкие плечи, уверенная осанка и длинные темные волосы, небрежно стянутые кожаным шнурком на затылке. Его лицо с резкими, волевыми чертами казалось высеченным из камня, а в карих глазах светилась опасная, почти звериная осознанность.

— Это Ривен, — представил его директор. — Он перевелся к нам из закрытого военного лицея для завершения обучения.

Ривен не стал улыбаться или кивать. Он обвел класс тяжелым взглядом, и когда его глаза остановились на Луми, она почувствовала странный резонанс — как будто в её груди отозвалась струна, о существовании которой она не знала.

Он прошел мимо, и Луми заметила, что он едва ли не на голову выше Эмина. Ривен сел на самом последнем ряду, откинувшись на спинку стула с видом человека, который знает секрет, способный разрушить это здание до основания.

Шел второй час лекции по древним языкам. Профессор Вард монотонно диктовал что-то о синтаксисе, и в аудитории стояла сонная тишина, нарушаемая только скрипом перьев.

Луми пыталась сосредоточиться, но затылок буквально пекло от взгляда Ривена. Она чувствовала его присутствие как тяжелый, вибрирующий гул. В какой-то момент Луми не выдержала и уронила ручку, но... звука падения не последовало.

Луми нахмурилась и наклонилась, чтобы поднять её. Ручка зависла в двух сантиметрах от пола, покачиваясь в воздухе, словно в невидимой воде.

Вся аудитория замерла. Профессор Вард застыл с поднятой рукой, капля чернил замерла на кончике его пера. Ханна замерла с открытым ртом, не донеся стакан с водой до губ. Эмин превратился в восковую фигуру, вглядывающуюся в учебник. Время остановилось для всех кроме...

С заднего ряда послышался неспешный скрип стула. Ривен поднялся. Его движения в этой абсолютной тишине казались оглушительными. Он шел между рядами замерших студентов с грацией хищника, которому больше не нужно прятаться.

Ривен уже собирался вальяжно подойти к Луми, чтобы прошептать свое предупреждение в её "замерзшее" ухо, но... остановился.

Луми не застыла. Напротив, она резко выпрямилась. В ту секунду, когда Тень коснулась её плеч, внутри неё слов-

но сработал предохранитель. Её кожа начала излучать мягкое, едва уловимое жемчужное сияние, которое буквально отталкивало серый морок Ривена. Она видела, как замерли остальные, видела парящую в воздухе ручку, но сама оставалась свободной.

Ривен замер на полпути, его карие глаза расширились. — Ты... — он выдохнул это с каким-то странным восторгом, смешанным с опасением. — Ты не должна двигаться, Светлячок. Моя Тень должна была убаюкать тебя.

Луми поднялась, чувствуя, как внутри неё пульсирует горячее ядро. — Твоя тень пахнет гарью и одиночеством, Ривен, — её голос в тишине прозвучал чисто и звонко. — И она не имеет власти над тем, что дышит.

Ривен усмехнулся, и на этот раз в его улыбке не было издевки. Только азарт. Он подошел вплотную, и Луми увидела, как его собственная тень на полу испуганно отползает от её ног, не смея коснуться её света.

— Так вот ты какой, Светлый Источник, — его голос, низкий и хриплый, казалось, вибрировал прямо у неё в костях.

Ривен протянул руку — его ладонь была огромной, покрытой старыми шрамами — и коснулся пряди волос Луми. От его прикосновения по её телу прошла волна холода, сменившаяся колючим жаром.

— Вы открыли дверь, которую не имели права трогать, — прошептал он, и в его карих глазах на секунду вспыхнуло чистое золото. — И теперь за вами придут. Все они.

В этот момент Ривен достал из кармана странный предмет — черную монету с выбитой на ней расколотой луной — и положил её на стол перед Луми.

— В Аретее за такую, как ты, выжгли бы целый город. Они уже в пути. Возьми это, — Ривен кивнул на монету. — Если твой Свет начнет гаснуть — сожми её. Я приду.

Он снова щелкнул пальцами. Звук щелчка был подобен удару грома.

— ...и поэтому синтаксис имеет значение, — закончил фразу профессор Вард, как ни в чем не бывало. Мир снова пришел в движение. Ручка Луми с глухим стуком упала на пол. Ханна допила воду. Никто ничего не заметил. Кроме Луми, перед которой на столе лежала тяжелая, холодная черная монета.

Чужая кровь

В столовой Колледжа Святого Иуды сегодня было необычно тихо. Воздух казался плотным, как перед грозой, а солнечный свет, падавший сквозь высокие окна, выглядел болезненно-серым.

Луми ковыряла вилкой салат, чувствуя, как черная монета в кармане пульсирует, словно живое сердце. Рядом Ханна Ким, обычно самая шумная в компании, сегодня выглядела странно отстраненной.

— Знаете... — вдруг тихо начала Ханна, и Эмин с Луми синхронно подняли на неё глаза. — Мой дед всегда говорил, что наш мир — это просто тонкая корка льда над бездной. Говорил, что там правит Тот, Кто Пьет Свет. Те, кто ушли туда, никогда не возвращались прежними. Я думала, это просто семейные бредни, старое проклятие, которое должно было заставить меня бояться темноты. Но вчера... вчера я почувствовала тот самый холод, о котором он предупреждал.

Ханна посмотрела на Луми, и в её глазах промелькнул настоящий, недетский страх. — Дед говорил, что когда портал начнет открываться, он будет искать «сосуд». Кого-то, в ком достаточно ярости, чтобы выдержать его мощь.

Эмин хотел что-то возразить, но его взгляд застыл на дальнем конце зала.

Там, у самого окна, Ривен сидел на столе. Перед ним сто-

яла Мира Саар. Она смеялась, но это был не её привычный смех — он звучал как надрывный плач. Ривен что-то шептал ей, его лицо было совсем близко, а в руке он вертел странный обломок черного кристалла. Он обещал ей власть. Обещал, что она станет "единственной истинной королевой этого места", если просто пойдет за ним к той самой двери, о которой никто посторонний не знал.

Говорили они полусшепотом, почти не разжимая губ, словно сам воздух вокруг них сгустился, не выпуская ни единого звука наружу. Весь этот пугающий, вкрадчивый разговор так и остался целиком и полностью только между ними двоими. Пытаться разобрать слова было бесполезно — магия ли кристалла глушила их голоса или Ривен намеренно отсекал лишние уши.

И всё же в какой-то момент, когда Мира на секунду задохнулась от очередного всхлипа, тишина между ними дрогнула. Ребята едва-едва расслышали одно-единственное, сорвавшееся с губ парня слово. Хлёткое, чужое, оно прошелестело по комнате, оставив после себя ледяное послевкусие:

"...Аретея..."

Смысл сказанного ускользал, но то, с какой вкрадчивой, торжествующей интонацией Ривен его произнес, заставило присутствующих похолодеть.

Внезапно идиллию нарушил резкий, захлебывающийся крик.

Он исходил не от Ривена. Он исходил от Миры Стоун, ко-

торая бросилась через всю столовую к столу Луми. — Смотрите! — взвизгнула она, срывая с руки дорогую шелковую рубашку и хватая Луми за плечо. — Смотрите, что за чертовщина!

Мира Стоун, всегда гордившаяся своими платиновыми волосами, трясущимися руками отбросила пряди от лица. Из самых корней, как ядовитые змеи, прорастали угольно-черные волосы. Но страшнее было её предплечье.

Прямо из плоти, разрывая кожу, выпирали сегменты обсидиана. Черная, матовая броня, влитая в живое тело, медленно расплзалась по руке, захватывая вены и мышцы.

— Она... она теплая! — рыдала Мира. — Луми, сделай что-нибудь, ты же всегда была такой... правильной! Помоги мне!

Луми почувствовала, как её собственное "ядро" внутри вспыхнуло жемчужным светом. Но в ту же секунду она поймала взгляд Ривена. Он всё еще сидел на столе рядом с Мирой Саар, наблюдая за катастрофой с хищной, удовлетворенной улыбкой. Он сделал это специально. Он позволил Аретее начать перестраивать Миру Стоун, чтобы заставить Луми раскрыть себя.